

меру, «рассудка француз не имеет...»), литературной цитатой, поэтому «Заметки...» можно считать попыткой заменить одни стереотипы, лояльные, конструктивные, существовавшие в лагере западников, другими, нелояльными и деструктивными.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Искания и размышления / Сост. Г.М. Фридлендер. – М., 1983.
2. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М., 1974.
3. Фридлендер Г.М. Сердце его принадлежало России... // Достоевский Ф.М. Искания и размышления / Сост. Г.М. Фридлендер. – М., 1983.
4. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интересубъективного подхода в исследованиях познания людьми друг друга) // Психология межличностного познания / Под ред. Бодалева А.А. – М., 1981, С. 25-42.

В.Ю. Меринов (г. Белгород, Россия)

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ М.А. БУЛГАКОВА

Советская культура представляла и конструировала городскую цивилизацию как однородное пространство, управляющееся из единственного интеллектуального и духовного гиперцентра. Булгаковское городское пространство – сложноорганизованная социальная структура, важнейшее место в которой отводится малой группе – интеллигентскому кружку.

Ключевые слова: *Булгаков, тоталитаризм, модель, город, дом, хронотоп, кружок.*

WAYS OF OVERCOMING OF TOTALITARIANISM TO A FICTION AND M.A. BULGAKOV'S PUBLICISM

The Soviet culture represented and designed a city-civilisation, as the homogeneous space coping from the unique intellectual and spiritual hypercenter. The Bulgakovsk's city-space - the difficult organization social structure, the major place in which is taken away to small group - an intellectual circle.

Key words: *Bulgakov, totalitarianism, model, a city, the house, hronotop, circle.*

Последние два десятка лет отмечены небывалым подъемом интереса к стремительно уходящей в прошлое тоталитарной культуре. Опубликовано большое количество работ российских и зарубежных авторов, как правило, ранее не доступных широкому читателю. Постепенно мы приближаемся к пониманию тоталитарной культуры как особого культурного феномена, обладающего собственными духовными истоками, правилами функционирования социума и социокультурной динамикой. Она привнесла в культуру и социальную практику нашей страны определенный цикл идей, который не сразу распознавался за лозунгами о социальной справедливости, коллективизме, интернационализме.

Сама тоталитарная культура позиционировала себя как эпоха тотального обновления и творческого броска в будущее, как период модернизации всех сторон жизни – от семейного быта до макроэкономики, как новую, небывалую до сих пор эру существования человечества. И действительно, большевистская революция 1917 года попыталась внести перелом в функционировании большинства из существующих социальных форм, форм культуры и сознания.

Многие из граждан молодой страны Советов или в силу репрессивного характера новой власти, или в связи с особой притягательностью ее идей, а то и того и другого, безоговорочно приняли нарождающийся мир. Однако отдельные большие художники, творцы – писатели, ученые, философы – представили собственную модель современной культуры, по многим позициям отличающуюся от доминирующей. Одним из таких них был М.А. Булгаков.

М.А. Булгаков принадлежал к поколению русских людей, о котором верно сказала Н. Берберова: «Это поколение людей, родившихся между 1890-ым и 1900-ым годами, было почти полностью уничтожено войной, революцией, эмиграцией, лагерями и террором 30-х годов» [Берберова 1991: 19]. М.А. Булгаков оказался среди тех, кто чудом выжил в годы русского лихолетья. Выжил и в своем творчестве не только выявил источники тоталитаризма, но и попытался определить точки сопротивления существующему режиму.

В чем же сходятся и расходятся доминирующая тоталитарная и альтернативная, булгаковская модели культуры? Обе модели представляют город в качестве форпоста современной культуры. Большевики за время своего пребывания у власти провели в жизнь грандиозный план индустриализации, невозможный без усиления роли города в культур-

ной жизни страны. За довольно короткий исторический отрезок в целом аграрная держава превратилась, с известными оговорками, в урбанистическую. К середине века численность горожан в два раза превзошла численность жителей села. Город, со своими традициями, обычаями, стал оказывать огромное воздействие на деревенские стереотипы поведения и мышления.

Однако само понимание современной городской цивилизации в тоталитарной культуре было глубоко архаичным. Ею не были учтены основные тенденции мирового цивилизационного развития, направленные в целом на усложнение социокультурного пространства. Тоталитарная культура представляла и конструировала городскую цивилизацию как однородное пространство, управляющееся из единственного интеллектуального и духовного гиперцентра. Всякая частность, отдельность, а тем более возможный источник альтернативных способов существования, альтернативных социальных стратегий немедленно подвергался обструкции. Поэтому тоталитарная культура настойчиво и целенаправленно борется с тем, что сама она называет изолированностью, асоциальностью, «мещанством». Она всеми силами пытается не оставлять человека наедине с самим собой, выгнать его на улицу, туда, где социальное действие подчинено и вписано в идеологический ритуал и поддается контролю. Тоталитарная культура старается максимально овнешнить социальное действие, полностью заполнить малое субъективное время человека большим историческим временем. Не случайно из тоталитарной культуры выпадает понятие дома как интимного, семейного, отгороженного от постороннего взгляда хронотопа, важнейшего для нравственного становления человека. Вместо личного пространства, тоталитарная модель предлагает коллективное жилище – общежитие, завод, фабрику, казарму, городскую улицу – или природный, ждущий большевистского окультуривания простор. Здесь человека ждет «ненавязчивая» опека «советского коллектива», главного (после вождя) источника социалистической нравственности.

М.А. Булгаков также представлял современную культуру как городскую. Город – стержневой хронотоп как в его беллетристике, драматургии, так и в журналистском творчестве. Город обладает следующим важнейшим качеством: он неуничтожим. Это – Вечный город. Такковы Ершалаим – Москва («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», очерки «Бенефис лорда Керзона», «Сорок сороков», «Столица в блокноте», «Торговый Ренессанс», «Москва Краснокаменная», «Золотистый

город»), Город («Белая гвардия», «Дни Турбиных»), Киев (очерк «Киев-город»), Париж («Жизнь господина де Мольера»), Батум («Батум»). Если он и уничтожается, то только «понарошку», символически, именно потому, что не выполняет свою культурную миссию. В чем же она состоит?

Главным культурным фокусом городской культуры для Мастера является человек. Концепция человека у М.А.Булгакова, прежде всего, социальна и исторична. Булгаковский человек должен вписать себя в круг уже известных социальных ценностей – национально-исторических, интеллектуальных, духовно-нравственных, политических. Для этого он ищет опору прежде всего в близком социальном пространстве – околичностной среде. Булгаковский человек не рывает со своей средой, своим ближним кругом, которому он обязан воспитанием, социализацией, тем кругом представлений о жизни, который он имеет. Любая мимикрия для писателя – процесс внешний. Именно поэтому у каждого булгаковского героя есть некий «остаток», не позволяющий ему вместе с переменной социальной маски меняться полностью.

Булгаковское городское пространство – сложно организованная социальная структура. Здесь большую роль играют социальные объединения разных типов. И важнейшее место в авторской модели современной городской культуры М.А.Булгаков отводит малой группе – кружку. В его произведениях представлены многие типы малых объединений, когда-либо существовавшие в России. Это:

А) масонская ложа (Воланд и его «свита», «Мастер и Маргарита»);

Б) философский кружок (Иешуа – Левий – Пилат, «Мастер и Маргарита»);

В) художественные объединения: музыкальный и литературный салоны (семья Турбиных и «милые сердцу друзья юности», роман «Белая Гвардия» и пьеса «Дни Турбиных», Мастер и Маргарита);

Г) литературный кружок (Мастер – Бездомный, «Мастер и Маргарита»);

Д) объединение университетских ученых (Преображенский – Борменталь (повесть «Собачье сердце»);

Е) театральная труппа (Мольер и актеры его театра, «Жизнь господина де Мольера», актеры Независимого театра, «Театральный роман»);

Ж) театральный оркестр (дирижер и оркестранты, фельетон «Неделя просвещения»).

Системный городской кружок имеет устойчивые формы взаимоотношений внутри коллектива. Они основаны на доверии, творчестве, уважении к индивидуальности и альтернативной позиции, толерантности, взаимоподдержке. Кружок в сочетании с творческим, личностным фактором создает среду, где вирус тоталитаризма гибнет. Эта среда не насильственная, а диалогичная. Само по себе такое пространство есть отрицание тоталитаризма и фактор стоического, а порой и активного сопротивления тоталитарной культуре. Его функционирование – залог существования диалогического социокультурного пространства города. Как пишет А.П. Назаретян, «идейный иммунитет формируется при диалогическом общении, при котором представление о предмете проходит фильтры критического суждения, человек знакомится с альтернативными точками зрения и готов их обсуждать» [Назаретян 2003: 154].

Для тоталитарной модели культуры городской кружок – опасный социальный союз, с противоположными ценностями, который якобы искусственно отделен от самой жизни, то есть от единого, большого и животворящего тоталитарного времени и пространства. М.А. Булгаков же показывает, что на самом деле именно тоталитарная система строится на исключительно внешних соответствиях с системной малой группой, и в этом часто состоит ее притягательность для современников. Вспомним, что социальные мифы того времени о «большой семье советских народов», о «Сталине – друге, мудром учителе и наставнике» и т.п. активно эксплуатировали эту внешнюю связь. Стоит вспомнить и об истории партии большевиков, выросшей, казалось, из подобного объединения. Однако очевидно, что далеко не всякий кружок и город отвечают требованиям современной культуры.

Поэтому в творчестве писателя важное значение имеет тема разоблачения ложных тоталитарных двойников данного культурного феномена (дом Грибоедова, Торгсин, клиника Стравинского и т.д.). По мнению писателя, предлагаемая тоталитарной культурой модель дома внешне ничем не отличается от внедомашнего пространства. Однако за ширмой декларируемого сотрудничества двойник скрывает социальную репрессию, давление толпы и/или вождя. Истинная цель их существования – лишить человека права выбора собственной стратегии поведения, уже выбранной за него стратегией репрессии или стратегией потенциальной жертвы. Так, в творчестве М.А. Булгакова – и беллетристическом, и журналистском – большое место занимает образ толпы

(и ее вождя), всепроникающей, тоталитарной по своему характеру и репрессивной в отношении отдельной личности (см. романы «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», очерки «Бенефис лорда Керзона», «Неделя просвещения» [см.: Меринов 2006 (1); Меринов 2006 (2)]).

Диалоговое социальное пространство – это обязательно ограничение претензий на абсолютную истину, исходящую либо от единственного «Я», или от «Мы». Поэтому булгаковское «Я» дополняется «правдами» и малой, и большой групп (нации), а «Мы» должно состоять из полифонии значимых «Я». В своем творчестве М.А.Булгаков разрушает представление о единственности истины. Например, нет достаточных доказательств в божественном происхождении Иешуа, Мастер не заслужил света, но только «покой». Так в творчестве писателя формируются условия для диалога. Для М.А. Булгакова важны и малые миры быта, кружка, и большой мир государства – империи. Только в их сочетании достигается гармония культуры, только в этом случае человек получает статус социальной законности и неслучайности своего существования. В этом его ответ репрессивной коммунистической модели.

Другим ответом является способность человека современной эпохи создавать новые культурные формы, новую сложность культуры. Этому человеку противостоит тоталитарный человек, волевым репрессивным актом расчленяющий мир, упрощающий его. Это современный варвар, он асоциален, несмотря на свою публичность и публичность своего социального действия. Он способен лишь повторить старые культурные формы, причем наиболее асоциальные, репрессивные, деструктивные. Он создаст конфронтационную модель культуры, с жесткими иерархически подчинительными отношениями участников культурного процесса. Причем у М.А. Булгакова эти модели ассоциируются с возрождением догородской или внегородской культуры – кочевников-монголов, традиционалистской (крестьянской), в которых массовая историческая память воспроизводит разрушительные радикальные культурные формы. Таким образом, отношение к «другому» как к «чужому» в пространстве города есть реликт ранних форм культуры, для которых свойственны конфронтационные и эмоциональные связи с внешним миром, власть первичных импульсов.

И здесь мы подходим к пониманию М.А. Булгаковым тоталитарной культуры. По всей видимости, для Мастера тоталитарная культура не является явлением исключительно XX века. В XX веке она только приняла государственные формы. Тоталитарная культура – это, скорее,

форма упрощающего взгляда на мир, который реализует агрессивный социальный тип человека, репрессивные отношения между людьми и отсутствие творческого и индивидуального в культуре. Здесь М.А. Булгакову созвучны слова современного исследователя тоталитаризма А.А. Кара-Мурзы, в которых тоталитаризм обозначен как преобладание в социальных отношениях репрессивных практик: «Тоталитаризм» (и «большевизм» как его русская разновидность) – это не социально-экономическая формация, а репрессивная интенция власти, сама формирующая общество. При этом «власть» – это не те, кто «на самом верху», это отношения любого «верха» к любому «низу» [Кара-Мурза 1999: 372].

Подведем итог. М.А. Булгаков противопоставляет тоталитарной культуре культуру, основанную на городских социальных ценностях и связях. Направление поиска шло в сторону глубокого осмысления ценностей и культурных возможностей современной городской цивилизации и её локальных социальных сил – интеллигентских кружков. Городское диалоговое пространство сдерживает булгаковского человека от безудержного конформизма, дрейфа в сторону «Мы», но и эмоциональный взгляд на мир, признающий правоту только своей среды, подвергается критике.

Булгаковская модель культуры оказалась намного точнее и жизнеспособней доминирующей. Малые группы не исчезли из городской культуры и во многом способствовали пропаганде ее ценностей через кино, литературу, живопись и другие формы творчества. Они дали миру множество великих имен поэтов, писателей, художников, театральных и кинодеятелей. М.А. Булгаков выстраивает универсальную цепь городской культуры: человек – «среда» (малая социальная группа – городской кружок) – город – страна – мир, где все части одинаково важны и взаимосвязаны. Выпадение любого звена – культурная катастрофа.

В своих произведениях М.А. Булгаков создал разветвленную социальную типологию личности, построенную на оппозиции тоталитарных (репрессивных) и нетоталитарных социальных межгрупповых и внутригрупповых связей. Если тоталитарная культура, действуя в духе классической репрессии, отсекает, на ее взгляд, лишние культурные элементы, булгаковская модель культуры разнообразит мир, делая его и многоуровневым, и разнообразным. Такая культура не отсекает, а вбирает в себя, накапливает культурные формы и, тем самым, создает предпосылки для творческого восприятия мира.

1. Берберова Н.Н. Железная женщина. – М. 1991.
2. Кара-Мурза А.А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Кара-Мурза А.А. Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. – СПб. 1999.
3. Меринов В.Ю. Христианский мифопоэтический подтекст в фельетоне М.А. Булгакова «Бенефис лорда Керзона» // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 173-179.
4. Меринов В.Ю. Подтекст фельетона М.А. Булгакова «Неделя просвещения» // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: в 2 т.: сб. научн. тр. IV Междунар. научн. конф. / Отв. ред. И.Т. Шатохин. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Т.1. – С. 335-338.
5. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социологии и политической психологии. – СПб. 2003.

О.О. Мирошникова (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасностью в широком значении называют состояние защищенности объекта, его отдельных свойств, структурных составляющих. Данное положение может служить методологическим основанием для определения видов безопасности. Одной из структурных составляющих системы безопасности является информационная безопасность – деятельность, предметом которой является сфера информационных отношений.

С одной стороны, информация – важнейший ресурс человеческого общества, который выражается в накопленном в течение многих лет многоаспектном информационном потенциале [Галатенко 1996: 45]. Возрастающие каждый год объемы разнообразной информации и расширение круга ее пользователей вызывают потребность контролировать ее достоверность, обеспечивать защиту от несанкционированного доступа, искажения, потери и копирования с целью соблюдения государственного и мирового законодательства, а также прав авторов информации.

С другой стороны, информация является основным средством взаимодействия человека с другими людьми, без нее невозможна меж-